

Каримова А. Б.

СТРАТАГЕМА ЛОМОНОСОВА: АРКТИКА В ДВИЖЕНИИ К ГЛОБАЛЬНОЙ АРЕНЕ

STRATAGEM OF LOMONOSOV: THE ARCTIC MOVING
TOWARDS THE GLOBAL ARENA

Каримова Алла Бекмухамедовна, доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, профессор социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия), e-mail: albecar@yandex.ru

Alla B. Karimova, Doctor of Political Sciences, Prof., Principal Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Prof. of Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation), e-mail: albecar@yandex.ru

Аннотация. В глобально-региональной конструкции международных отношений Арктика выступает фактором влияний на будущее мировой политической архитектуры и экономики. Опираясь на исторический опыт, раскрывая потенциал пространственного преимущества арктической державы, Россия осуществляет стратегию освоения Арктики, придавая все большее значение социальному фактору. В представленной статье акцентируется необходимость ориентации на человеческое измерение. Предложен подход для разработки модели управления, включающей в себя всю совокупность жизненных процессов в Российской Арктике с учетом тенденции трансрегионализации Арктического региона. Проанализированы новые явления в Арктическом регионе, вызванные системной сменой модели проецирования компонентов реальной силы моделью распределения компонентов технологической силы. Доказательством этому служит событийная повестка Российской Арктики, кульминацией которой является ввод в круглогодичное действие Северного морского пути — трансрегионального проекта, замысел которого родился 250 лет назад. Для определения модельной специфики жизненных процессов автор рассматривает базовые среды — природную (изменение климата), цивилизационную (расширяющаяся урбанизация и миграция), а также международную (влияние кооперации и переход к новой модели безопасности).

Abstract. In the global-regional structure of international relations, the Arctic acts as a factor of influence on the future of world political architecture and economy. Drawing on historical experience, revealing the potential of the territorial advantage of the Arctic power, Russia is implementing a strategy for the development of the Arctic, giving ever more importance to the social factor. The presented article emphasizes the need to focus on the human dimension. An approach is proposed for the development of a management model that includes the entire set of life processes in the Russian Arctic, taking into account the trend of the transregionalization of the

Arctic region. New phenomena in the Arctic region caused by a systematic change in the model of the projection of the components of real force by the model of the distribution of the components of the technological force are analyzed. This is evidenced by the event agenda of the Russian Arctic, culminating in the introduction to the year-round operation of the Northern Sea Route, a transregional project, the concept of which was born 250 years ago. To determine the model specificity of life processes, the author considers basic environments — natural (climate change), civilizational (expanding urbanization and migration), as well as international (the impact of cooperation and the transition to a new security model).

Ключевые слова: Арктический регион, человеческое измерение, глобальное потепление, изменение климата, природная среда, цивилизационная среда, социальная среда, международная среда, циркумполярная цивилизация, стратегема Ломоносова.

Key words: Arctic region, human dimension, global warming, climate change, natural environment, civilizational environment, social environment, international environment, circumpolar civilization, stratagem of Lomonosov.

Введение. В глобальной и региональной конструкциях международных отношений Арктика обозначилась как фактор влияний на будущее мировой политической архитектуры и экономики. В этой связи явственнее обозначился контур общего видения развития, вскрылись старые и наметились новые точки разногласий между циркумполярными государствами, международными институтами и внешними относительно региона акторами.

Вместе с тем созрела новая тенденция: Арктический регион стал частью социального мира, в котором меняются условия жизни, происходят трансформации, открывающие его для осуществления хозяйственно-рыночной деятельности, организации жизненных процессов в условиях высокого холода. Для определения специфики выделенный фактор проанализирован в контексте глобальных трансформаций, вызвавших расширение урбанизации и международной миграции, рост влияния экологической составляющей международной кооперации. Предположения о том, что изменения арктического климата скорректируют геополитические стратегии, были выдвинуты в начале XXI в. Однако исход геополитического перехода пока неясен. Вместе с тем открытие новых судоходных маршрутов указывают на увеличение военно-стратегического значения региона.

Данный подход обусловил структурное распределение наблюдаемых *изменений* по трем средовым кластерам:

- природном (акцент на изменение климата);
- цивилизационном (выделяя особенности урбанизации и миграции);

— международном (влияние кооперации и переход к новой модели безопасности).

С позиций выделенных критериев изменения в Арктике сравнимы с явлениями этих рядов в других регионах мира, включая переход к цифровой экономике. Однако для Российской Арктики еще не разработан механизм управления изменениями, в котором в должной мере был бы предусмотрен характер модификаций в его важнейшем компоненте — человеческом измерении.

Обзор выступлений на VII Международном форуме «Арктика: настоящее и будущее» (Санкт-Петербург, 2017) показывает необходимость работы над формированием общего видения перехода в новое состояние на всех этапах территориальной власти и ячейках общества; на страновом, циркумполярном (цивилизационном) и международном уровнях.

В большинстве случаев прогнозные характеристики выявляются с помощью вычислительной техники или с учетом внедрения информационных технологий. Такие модели не пригодны для прогнозирования развития не только сырьевых секторов экономики (сельское хозяйство), но и социального сектора. Они эффективны для отраслей, критически зависимых от точных наук. В то же время эмпирические причины исключают социальные эксперименты и ограничивают применимость экономических моделей для измерения всего спектра изменений [8, с 354]. Западная эконометрия человеческого поведения в сложных системах развивается в виде 3D гипотез с проверкой через опросы или в общественных дискуссиях. Поэтому следует обратить внимание на архитектуру образа Арктики, сложившегося у коренного населения. Без закаченной в модель социальной информации, собранной из сообщений людей, ни одна конструкция не сможет решить задачу создания желаемого будущего. Модель без измеренных и понятых фактов жизни — является частной абстракцией ее исполнителя.

Природная среда: «друг ведет себя странно». Обилие экстремальных фактов изменений природной среды обобщены в генеративной гипотезе о глобальном потеплении¹. Зарубежные эксперты уверены, что быстрое и исключительное потепление Арктики является главным драйвером экономических, социальных преобразований [20]. По их мнению, освоение «Арктики может иметь глубокие последствия для энергетической безопасности, торговой политики, властных отношений и экологических проблем нескольких стран, внутри и за пределами самого региона» [18, р. 3].

¹ Арктика может лишиться морских льдов в летнее время к 2040 году / Сайт ТАСС. Доступ: <http://tass.ru/наука/3985150> (дата обращения 01.12.2017).

В отличие от западного дискурса в России сформулирован более широкий подход к оценке климатического феномена:

— «наблюдаемое потепление находится в пределах естественной изменчивости климата и не нуждается в отдельном объяснении;

— потепление является результатом выхода из холодного Малого ледникового периода;

— потепление наблюдается слишком непродолжительное время, поэтому нельзя достаточно уверенно сказать, происходит ли оно вообще» [11].

Вместе с этими обоснованными сомнениями в научной среде и СМИ постепенно актуализировался термин *изменение климата*, позволившего видеть включенность Арктики в планетарную сложность изменений, уточняя их региональный рельеф.

Для получения новых знаний исследователи все чаще обращаются к мифам, историческим сведениям и более ранним научным представлениям об Арктике. В прогнозных моделях российских климатологов на свет появилась Берингия [Каменев, 2011]. В миграционных исследованиях профессора Мерилендского университета (США) Т. Хеленайка [17, р. 393–493] фигурирует природная страна Фенноскандия².

К концу первого десятилетия нынешнего столетия американский исследователь арктической безопасности Б. Зеллен выдвинул гипотезу о геополитическом переходе к модели обеспечения экологической безопасности, который придется совершить ведущим арктическим державам в ближайшем будущем [22].

Природоохранный тренд обрел международно-правовой статус с началом экологической глобализации. Однако исход смены геополитической парадигмы пока неясен.

Словом, процесс идет, региональная среда меняется, неизменными остаются картинка расширяющихся трещин в арктических льдах, закрепившись в общественном сознании как негативный бренд Арктики. Германский исследователь глобализации У. Бек утверждает: «публично обсуждаемые опасности представляют собой «негативную валюту». Это деньги, которые никому не нужны,

² Фенноскандия (фин. Fennoskandia) — физико-географическая страна на северо-западе Европы общей площадью около 1,88 млн. км² (включая площадь моря; площадь суши — свыше 1,5 млн. км²). Выделена финским геологом Вильгельмом Рамзаем в 1898 году в составе Норвегии, Швеции, Финляндии и западной части бывших Олонецкой и Архангельской губерний России. Названа по преобладающему на территории историческому расселению скандинавов и финно-угорских народов. Отделена от других физико-географических стран Европы Белым, Баренцевым, Норвежским, Северным и Балтийским морями. На территории России имеет сухопутную границу с Русской равниной. По версии В. Рамсаа, к российской Фенноскандии отнесены территории Карелии и Мурманской области, левобережье рек Онега и Кена в Архангельской области, северная часть Андомской возвышенности, правобережье рек Свирь и Нева в Ленинградской области, а также прилегающие к этим территориям моря. Общая площадь российской Фенноскандии составляет около 400 тыс. кв. км, население — около 4,5 млн. человек, включая правобережную часть Санкт-Петербурга.

но проникают повсюду, требуют к себе внимания, вводят в заблуждение, подрывают устои, ставят на голову то, что, казалось бы, прочно стояло на ногах». С политической точки зрения — способны породить «общую судьбу» [1, с. 74–75].

Предложенные отечественные и зарубежные геоматические модели до сих пор не могут выявить источник и цель происходящих трансформаций. Аборигены Арктики говорят: «оогинакту-ук» — «друг ведет себя странно», транслируя не только свои переживания, но и необходимость социального приспособления к меняющейся среде. Часть ученых задаются вопросом: как быть с Антарктидой, которая не становится теплее?

На этом фоне вполне допустимы как минимум две альтернативы:

— рассматривать феномен изменения климата как свидетельство «существования переломных моментов в истории органического мира» [6, с. 7].

— видеть в феномене потепления Арктики естественный процесс совершенствования природной среды.

Оба подхода нацеливают на проектирование жизненных процессов, извлечение из времени и пространства удачных практик адаптации к среде, стремление к исключению повторов негативного опыта, исправлению «безупречности» математических расчетов современными резонами природно-социальной сложности.

Практики приспособления к арктической природной среде богаты мудрыми подсказками. Например, прежде чем отправиться в опасное путешествие, русские первопроходцы жили в ярангах и чумах, перенимая у местных обитателей накопленный столетиями опыт передвижения, охоты, питания, постройки жилищ, приемы выживания и правила общения с животными³. М.В. Ломоносов находил «достаточное пространство» «к корабельному ходу севером в Японию и в Ост-Индию» в сказках «сибирских промышленников» и «бессловесных животных» [10, с. 478; 480–481]. Эти правила исследований арктической среды не потеряли своей актуальности и в эпоху беспилотников.

Исландский исследователь арктических процессов В. Ингимундарсон приводит примеры использования укоренившихся исторических мифов в целях «создания жизнеспособных политических интерпретаций в настоящем». Ссылаясь на официальных лиц, он отмечает готовность Исландии встроиться в изменившуюся модель «мировой торговли и связи Северной Атлантики с Тихим

³ Человек и холод: как выживают в вечной арктической войне / Сайт образовательного ресурса Arctica.info / URL: <http://arctica.info/stati/chelovek-i-xolod-kak-vyizhivayut-v-surovyix-usloviyax-krajnego-severa> (дата обращения 05.12.17).

океаном», в качестве трансарктического узла по приему, распределению и перегрузке [4], выявляя желание малых циркумполярных стран воспользоваться возникающими в климатических изменениях пространственными преимуществами.

Цивилизационная среда: метафоры и управление

Смыслом циркумполярной цивилизации было и остается создание социальной среды в условиях высокого холода.

Доказано, работа в Арктике увеличивает расход энергии в 1,5–2 раза; таяние льдов происходит в два раза быстрее, чем в других районах планеты. Экспериментальные данные специалистов Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе показывают двойное возрастание КПД солнечных электростанций, построенных на Севере. В этих условиях они не только более экологичны и рентабельны, чем любые другие, но и балансируют холод и тепло жизненных процессов. Есть другие примеры фактора удвоения энергетических обращений, требуя технологического решения схем удвоения выработки и расхода энергии. Поэтому внесение акцентов *холода* взамен превратившихся в штамп антропогенных нагрузок в повестку понимания Арктики представляются уместным. Для Природы, «предусмотревшей» Жизнь в Холоде, Человек не может быть нагрузкой.

В середине прошлого века теоретик цивилизации, германский социолог Н. Элиас пришел к выводу, что эталоны цивилизованного поведения «окончательно сформировались» уже к XIX в. Однако постиндустриальная экологическая экспертиза внесла средовые требования в цивилизационный кодекс поведения, акцентируя проблему интеллектуализации хозяйственного освоения, введения социального, культурного кластера в развитие территорий. И, прежде всего, в Арктике. Следовательно, проблемы холодной цивилизации могут быть разрешены институциональными решениями в форме «специфического порядка», наделенного «принудительной силой» [14, с. 336].

На международном форуме «Человек в Арктике» (2017) прозвучала такая метафора «самый базовый стандарт — научить компании жить на земле и делать ее родной»⁴. А кто будет учить? Компании заточены на рентабельность и получение прибыли от своей деятельности. В подавляющем большинстве их забота о социальной

⁴ Экологическая ответственность в Арктике: стандарты поведения и ведения бизнеса / Сайт Международного арктического форума «Арктика — территория диалога». Доступ: <http://forumarctica.ru/news-from/ekologicheskaya-otvetstvennost-v-arktike-standarty-povedeniya-i-vedeniya-biznesa> (дата обращения 08.01.2018).

среде выражается объемом социального пакета и измерительными приборами. Однако такой ресурс не покрывает всю сложность потребностей социума, погруженного в сложную и меняющуюся природную среду. Поэтому в сопряжении живого с неживым должны участвовать не только программисты, не только люди науки, но и представители гражданского сектора, обладающие практическими навыками, поколенческими и интуитивными (неопосредованными) знаниями о социальных процессах. Компаниям нужны люди, всматривающиеся в средовые изменения, подмечающие их социальную начинку. Только так промышленные производства могут получить «социальную лицензию» на свою деятельность.

В то же время метафорический термин может быть интерпретирован через множество переменных жизненных процессов, складываясь в модель опыта и компетенций, стать механизмом управления изменениями. И тогда появятся предложения не только по созданию главков, но и реальная деятельность по созданию относительно безопасной комфортизации социальной среды арктических территорий.

В циркумполярном регионе проживает около 4 млн чел., при этом население российской части полярных территорий («11 зон циркумполярного мира», 69% территории РФ [15, p. 86]) составляет 2,4 млн чел., большинство из которых — городские жители. Однако эта категория в последнее десятилетие дополнилась новой для российской части Арктического региона социально неоднородной группой жителей пригорода. В западном обществе этот феномен был выявлен в XX в. под названием «suburban reople», а субурбии — «буржуазным кошмаром» [16; 21]. По свидетельству исследователей, в настоящее время проживающих в «буржуазном кошмаре» американцев больше, чем жителей городов и деревенской местности вместе взятых. К сожалению, эти явления проникли и в российские арктические города.

Например, такая агломерация структурировалась из внутренних переселенцев бурятской глубинки. Не имея возможности купить жилье, они расселяются в домах, построенных собственными руками. Журналисты подметили: «...Улан-Удэ оброс гигантской субурбией, не подключенной к центральным сетям и отапливаемой преимущественно дровами и углем. Восемь месяцев в году над городом царит ни с чем не сравнимый стойкий аромат русской бани...» [7], запахи которой смешаны с дымом из промышленных труб.

Однако в арктических субурбиях находят пристанище не только внутренние переселенцы, но и выходцы из Молдовы, Украины, постсоветских республик Центральной Азии и др. Медийную из-

вестность получил «арктический маршрут», по которому граждане из Афганистана, Сирии, Ирака и Ирана перебирались из России в Норвегию⁵. Растет сообщество ближневосточных мигрантов в канадских арктических территориях⁶. Этот же процесс характеризует абсолютно все северные регионы Европы.

В то время как миграция между странами Северной Европы практически сошла на нет, увеличился поток переселенцев из Восточной Европы. Крупнейшим донором арктических территорий ЕС стала Польша [17, р. 399]. Как показал В.П. Семенов-Тянь-Шанский, восточноевропейское движение в Арктику является одной из закономерностей геополитических процессов овладения мировыми путями, один из которых начинается и заканчивается в Арктике. Дело в том, что циркулярный пояс суши держит в «постоянной и полной зависимости» все остальные массы земной суши [12, с. 169–171].

Человеческое измерение международной миграции [5] может многое сказать о влиянии глобальных трансформаций на развитие регионов Арктики. Появился новый тренд — правовое вытеснение с рабочих мест трудовых мигрантов, не проживающих в странах-участницах интеграционных формирований⁷. Именно в эту сторону меняется миграционное законодательство в Швеции, Финляндии, Дании, Канаде, России. Однако в заполярных округах России усиливается потребность в людях, обладающих высокой профессиональной подготовкой. Есть основания прогнозировать снижение маятниковой (вахтенной) миграции. Вместе с тем уже сейчас необходимо разработать северную логистику потоков международной миграции, поскольку объекты судоходной инфраструктуры Северного морского пути стали каналами, системно обеспечивающими функционирование мировой торговли, подтягивая в эту сферу все Приморье и материковые регионы, расположенные от него через несколько границ.

⁵ Нурматова О. «Арктический поток» мигрантов из России в Норвегию иссяк / Доступ: <https://www.kompravda.eu/daily/26552.4/3568587> (дата обращения 10.12.2017).

⁶ Выстрелы в Канаде. Кому мешает политика мультикультурализма и что она несет канадскому обществу? 31 января 2017 / Доступ: <http://geo-politica.info/vystrely-v-kanade-komu-meshaet-politika-multikulturalizma-i-chto-ona-nesyot-kanadskomu-obschestvu.html> (дата обращения 18.06.2018).

⁷ Барсуков Д. ООН просит Норвегию не отправлять беженцев обратно в Сомали. Доступ: <https://www.kompravda.eu/daily/26608.4/3624822>; Михайленко Л. Дания «вытрясла» из беженцев за обустройство в стране около 16 тыс. евро. Доступ: <https://www.kompravda.eu/daily/26603/3619329>; Асхатов Д. Шведских чиновников критикуют за допросы беженцев, принявших христианскую веру. Доступ: <https://www.kompravda.eu/daily/26678.5/3701099> (дата обращения 13.12.2017); Около 1500 таджикских мигрантов в Якутии могут остаться без работы. 23 ноября. Доступ: <http://news.tj.ru/news/tajikistan/society/20171123/okolo-1500-tadzhijskih-migrantov-v-yakutii-mogut-ostatsya-bez-raboti> (дата обращения 09.12.2017); Баева Е. Укажут место / Сайт газеты «Российская газета — Экономика Дальнего Востока» №7443 (277). 07.12.17. Доступ: <https://rg.ru/2017/12/07/reg-dfo/vlasti-sahalina-zapretili-migrantam-rabotat-na-strojkah.html> (дата обращения 09.12.2017).

Циркумпольярная статистика перемещения позволяет видеть: в крупных поселениях Российской Арктики происходит такое же движение в города, как и в других арктических регионах циркумпольярных государств, с теми же колебаниями, зависящими от условий жизни, стоимости труда, иерархии рабочих мест, экономической ситуации в стране или регионе исхода. Поэтому представляется важным намерение России принять на себя миссию разработчика стандартов циркумпольярного поведения и контроля над их соблюдением. Однако нормотворческое лидерство требует образцового порядка и в хозяйстве регулятора.

Мировая тенденция к урбанизации коренным образом меняет человеческую и природную среду Арктического региона, не отменяя фундаментальные принципы цивилизационной жизни.

Древние и средневековые авторы отмечали, цивилизация зиждется на дисциплине, выделяя в ней параметр *социальной сплоченности*, что, по-видимому, и является важнейшим нематериальным ресурсом выживания и развития общества. Регулятором дисциплины выживания и развития является государство. «Civile» Цицерона и «асабийя» Ибн Халдуна — это многоуровневые модели гибнущей (недисциплинированной) и устойчивой (социально сплоченной) цивилизаций, в которых характеристики естественной и социальной реальностей либо поддерживают, либо уничтожают друг друга. Они не существуют отдельно. В случае постсоветской Арктики функции выживания и развития вплетены в жизненный процесс, который имеет свое продолжение в международной среде. В моделировании жизненных процессов Арктического региона должны быть использованы все смыслы социального тела дорожных конструкций. Они могут быть информационной артерией, инструментом проецирования глобальной мощи, создавать конкурентные преимущества, привлекать инвестиции, производить услуги, распределять человеческие и товарные потоки. Но основная функция дорог — организация пространства (М.В. Ломоносов, Ф. Ратцель, В.П. Семенов-Тянь-Шанский).

В этой оптике обустройство Северного морского пути — дороги между Тихим и Атлантическим океанами — для международного торгового судоходства является генерирующим фактором реализации национальной стратегии освоения Арктической зоны и самым значимым событием мировой экономики в XXI в.

Резонансные публикации в зарубежной прессе подчеркивают: американские санкции сработали в интересах производства российского сжиженного природного газа. Однако — это лишь экономический бонус дляящейся 250 лет операционализации страта-

гемы⁸ М.В. Ломоносова, сформулированной в записке, адресованной российскому престолонаследнику Павлу Петровичу [10, с. 498].

Международная среда: Арктика в движении к глобальной арене. Российская морская Арктика стремительно вписывается в глобальную экономику, создавая принципиально новую социально-политическую ситуацию на сибирском побережье, в мировом судоходстве, в отношениях с соседями и торговыми партнерами по всему миру.

Движение Арктики с позиций периферийного региона на мировую арену сопровождается системной сменой модели проецирования компонентов реальной силы моделью распределения компонентов технологической силы, требующей больших знаний, большей компетенции, более сложных инструментов, а, следовательно, больших объемов и видов человеческого капитала.

В нынешней мировой ситуации циркумполярные отношения балансируют между двумя противоположностями — нарождающимся сотрудничеством и остатками прошлого военно-политического противостояния⁹, не стершего вероятность межгосударственного конфликта в Арктике, связанного с пограничными вопросами. Однако глобальная повестка изменила порядок приоритетов безопасности. Объединенные сходством средовых и цивилизационных изменений в моделях Арктика-5¹⁰ и Арктика-8¹¹ страны-участницы разрабатывают общий подход к тенденции освоения бассейна Северного Ледовитого океана нециркумполярными государствами, которые руководствуются собственными притязаниями на ресурсы арктического шельфа.

В этой связи демаркация континентальных шельфов и контроль арктических морских маршрутов [13] становятся пунктами глобальной и региональной повесток, отсвечивая сложный дизайн политического маневрирования региональных, внерегиональных участников и акторов без суверенитета в борьбе за ресурсы и доступ к мировому пути.

⁸ Подытоживая свой труд «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1764 г.), М.В. Ломоносов вывел знаменитую формулу, которая была решена в декабре 2017 г.: «Таким образом, путь и надежда чужим пресеется, российское могущество прирастает будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке».

⁹ Чувакин О. Арктический пирог: кусков много, но всем не хватит // Военное обозрение, 27 января 2017. Доступ: <https://topwar.ru/107987-arkticheskiy-pirog-kuskov-mnogo-vo-vsem-ne-ivatit.html> (дата обращения 22.06.2018).

¹⁰ Неформализованная конструкция, в которую включены государства, имеющие доступ к Северно-Ледовитому океану: Россия, Дания, Норвегия, США и Канада, на качество отношений которых влияет фактор отсутствия окончательно сформированных границ.

¹¹ В 1996 г. семь государств Полярного Севера (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия) и Швеция создали Арктический совет.

В этот рисунок вплетено (вектор США) стремление закрепить за Арктикой статус международного морского района, «максимально открытого для всех государств мирового сообщества».

Среди таких проектов особо выделяются предложения заключить отдельное международное соглашение по Арктике, подобное Договору об Антарктике 1959 г., а также распространить на весь этот регион статус Общего наследия человечества» [2, с. 55]. В числе инициаторов отмены «секторной теории Арктики»¹², на которой построены позиции России и Канады, особо выделяется Германия. В число государств, поддерживающих вопрос о пересмотре правового режима Арктики и условных границ Севера, входит и Япония, проявляющая интерес к Северному морскому пути и разработке арктического шельфа.

Среди международных институтов за отмену секторального раздела выступает Европейская комиссия. В ходе дорожного спора¹³ с Канадой Соединенные Штаты выработали диалектическую позицию: непризнание секторного деления Арктики, но и не оспаривание его правомерности.

Все эти политические подходы подтверждают: «построение пространства Арктики не статично, отражает характер самой территории; подвергается модификациям и переоценке» [4].

Выявляя динамику политического «расширения» Арктического региона, финские исследователи определили потенциалы эндогенного и экзогенного конфликтов. На их взгляд, наиболее вероятный источник конфликта в Арктике находится за пределами региона [18, р. 8].

Количество международных акторов, претендующих на *постоянное присутствие* в регионе, растет: Великобритания, Бельгия, Ирландия, Нидерланды, Латвия, Литва, Эстония, Польша, ФРГ, Италия, Франция, Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Сингапур, Испания, ЕС и др. О своей готовности к разработке арктического шельфа заявляют десятки государств, рассчитывая на возобладание принципа открытости глобальной экономики. Именно поэтому арктические государства уделяют большое внимание институту наблюдателей в Арктическом совете, настоятельно рекомендуя государствам, наделенным этими правами, не стремиться к полу-

¹² Секторальная теория Арктики — международно-правовая доктрина, «в соответствие с которой каждое приарктическое государство обладает особыми правами в определенном полярном секторе — треугольнике, основой которого является побережье соответствующего государства, а сторонами — линии, проходящие по северным меридианам до Северного полюса» [Дудин, Иващенко, 2015: 108].

¹³ Канада считает Северо-Западный морской проход принадлежит ей, тогда как Соединенные Штаты рассматривают его международным морским путем. В 1998 г. между США и Канадой было достигнуто соглашение, в котором США обязались не использовать СЗП без канадского согласия. Канада обещала давать свое согласие на проход американских судов всегда.

чению членства в этой международной организации, а сосредоточиться на расширении двустороннего сотрудничества.

Судя по тому, что поведение Южной Кореи (наблюдатель в Арктическом Совете) оценивается западными аналитиками модельным, ей отводится роль своеобразной стены, сдерживающей «арктический» натиск Китая и Японии. Как отмечает гонконгский исследователь взаимодействия Азии с Арктикой М. Косса: занятая Южной Кореей «позиция может быть аналогична роли этой страны в «двадцатке», где Южная Корея участвует в обмене информацией и определении повестки дня между «большой семеркой» и растущей БРИКС» [19].

Человеческое измерение происходящих в природной, цивилизационной и международной средовых зонах Российской Арктики деактуализирует модель *неопределенного будущего* (глобальное потепление). Под воздействием обновленного кодекса цивилизационного поведения развивается язык описаний изменений, вместе с которым появляются переменные, позволяющие:

- использовать фактор удвоения;
- применить смысловой «крепезж» дорожных конструкций;
- операционализировать фактор пространственного преимущества стратагемы Ломоносова;
- спроектировать арктическую средовую сложность как жизненный процесс.

Библиографический список

1. Бек У. Что такое глобализация / Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
2. Гудев П. Арктика как «global commons»? // Пути к миру и безопасности, 2016, № 1 (50), сс. 53–69.
3. Дудин М.Н., Иващенко Н.П. Мировой опыт и тенденции инновационного освоения арктических территорий // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие), 2015. Т. 6. № 4, сс. 107–117.
4. Ингимундарсон В. Глобализация Арктики и «идеология возвращения» / Доступ: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2014_Sbornik/2014_Dokladi/2014_plen/2014_plen_015.pdf (дата обращения 28.01.19).
5. Каримова А.Б. Постсоветский дизайн человеческой мобильности // Мировая экономика и международные отношения // Мировая экономика и международные отношения, 2017, том 61, № 8, сс. 85–95.
6. Колчинский Э.И. Неокатастрофизм и селекционизм: Вечная дилемма или возможность синтеза? (Историко-критические очерки). СПб.: Наука. 2002. 554 с.
7. Курячий А., Ермак С. Заложники / Доступ: <http://expert.ru/expert/2017/49/zalozhniki> Москва, 07.12.2017 (дата обращения 08.02.19).

8. Майнцер К. Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 464 с.
9. Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2-х томах. Т. 1. Естественные науки и философия. М.: Наука. 1986. 536 с.
10. Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию. Прибавление. О Северном мореплавании по Сибирскому океану. Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов Американских и по вопросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снигирева и вологодского купца Ивана Буренина / М.В. Ломоносов // Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952, сс. 417–514.
11. Макеев А.О. Берингийская Атлантида — ретроспективный и перспективный анализ климатических изменений на основе ледово-лёссово-почвенного комплекса / Доступ: <http://www.dokuchaevskie.ru/wp-content/uploads/2016/11/A.O.-Макеев.pdf> (дата обращения 02.01.2019).
12. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Теория района. 1928. Государственное издательство. Москва-Ленинград.
13. Фененко А.В. Военно-политические аспекты российско-американских отношений в Арктике: история и современность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2, сс. 129–157.
14. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 382 с.
15. Crate S., Nuttall M. The Russian North in Circumpolar Context // *Polar Geography*, 2003, 27, No. 2, pp. 85–96.
16. Fogelson R.M. *Bourgeois Nightmares: Suburbia, 1870–1930*, New Haven: Yale University Press, 2005. 272 p.
17. Heleniak T. International migration into the Arctic / In: Robert W. Orttung and Marlene Laruelle (ed.). *Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges*. Washington DC: IERES, 2017, p. p. 393–493.
18. Kämpylä J., Mikkola H. Arctic Conflict Potential towards an Extra-Arctic Perspective / FIIA Briefing Paper 138. September 2013.
19. Kossa M. South Korea's positioning in the Arctic. September, 30, 2015. Available at: <https://worldpolicy.org/2015/09/30/south-koreas-positioning-in-the-arctic> (accessed 29.11.2018).
20. Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development. 2017. Available at: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> (accessed 28.10.2018).
21. Vichino T.J. *Transforming Race and Class in Suburbia: Decline in Metropolitan Baltimore*. N.-Y. Palgrave Macmillan, 2008. 226 p.
22. Zellen B.S. *Arctic Doom, Arctic Boom: The Geopolitics of Climate Change in the Arctic*. Santa Barbara: Praeger, 2009. 236 p.